

ГОМЕР

Одиссея

НОВЫЙ СТИХОТВОРНЫЙ ПЕРЕВОД
АРКАДИЯ КАЗАНСКОГО

Гомер

Одиссея. Новый стихотворный перевод Аркадия Казанского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26905356

ISBN 9785448581779

Аннотация

Данный перевод Одиссеи Гомера ставит перед собой задачу – донести до современного читателя великую поэму в её максимальной полноте, с сохранением всех действующих лиц и названий в том виде, в каком они представлены у Гомера. Сохранён порядок и количество стихотворных строк в каждой из 24 песен. Максимально устранены из текста архаизмы и длинные многосложные эпитеты, отчего поэма приобретает новую динамику и выразительность. Каждая Песнь предварена кратким изложением её содержания прозой.

Содержание

Предисловие	6
Вступление	8
Генеалогия богов Гомера, упомянутых в поэме	12
ΟΔΥΣΣΕΙΑΣ Α	14
ΟΔΥΣΣΕΙΑΣ Β	42
ΟΔΥΣΣΕΙΑΣ Γ	68
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Одиссея

Новый стихотворный перевод Аркадия Казанского

Гомер

Переводчик Аркадий Аркадьевич Казанский

Редактор Татьяна Борисовна Казанская

Редактор Ирина Аркадьевна Казанская

© Гомер, 2017

© Аркадий Аркадьевич Казанский, перевод, 2017

ISBN 978-5-4485-8177-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**110-летию моего Отца, вернувшегося с Войны,
105-летию моей Матери, дождавшейся Мужа,
Светлой памяти Жён, дождавшихся Мужей с Вой-**

НЫ

ПОСВЯЩАЮ

Аркадий Казанский
2017 год

Предисловие

Современному русскому человеку крайне сложно не только понять произведения великого Гомера, но и просто прочесть их. Переводы поэм, выполненные великими поэтами XIX столетия, написаны архаичным допушкинским русским языком, на котором сегодня не говорят, и не пишут. Большие затруднения доставляет прочтение стихотворного текста, не подчинённого строгой ритмике, лишённого рифмы, и не выстроенного в обозримых для глаза строфах.

Предлагаемое переложение текста Одиссеи Гомера ставит перед собой задачу, – донести до современного читателя великую поэму в её максимальной полноте, с сохранением всех поименованных действующих лиц и названий, без исключения, в том виде, в каком они представлены у Гомера. Сохранён порядок и количество стихотворных строк в каждой из 24 песен. Максимально устранены из текста архаизмы и длинные многосложные эпитеты, отчего поэма приобретает новую динамику и выразительность.

Ритмический строй поэмы представлен пятистопным анапестом (трёхсложником, с ударением на третьем слоге), с постоянным чередованием женских и мужских окончаний строф. Графический строй поэмы принят по образу и подобию строя Комедии Данте, с разбивкой на строфы по три строки; первая и третья строка каждого трёхстишия рифму-

ется со второй строкой предыдущего трёхстишия, что даёт связный текст по всему столь длинному произведению, удобный для прочтения.

Для ясного понимания смысла и действия поэмы, каждая Песнь предваряется кратким изложением её содержания прозой. В конце поэмы представлены необходимые современному читателю справки по номинативному ряду имён и названий поэмы, с краткими пояснениями каждого имени и названия:

- Алфавитный перечень богов Уранидов, упомянутых в поэме;
- Алфавитный перечень героев Гомера и действующих лиц поэмы;
- Алфавитный перечень прочих названий и понятий поэмы.

Вступление

При несомненном авторстве великого Гомера, поэма «Одиссея» разительно отличается от поэмы «Илиада». Если Илиада, – величественный исторический эпос, в котором Олимпийские боги выступают, как люди предшествующих поколений, обожествлённые в памяти живущих людей; Одиссея, – безудержный полёт фантазии автора, в котором, за исключением Олимпийских богов, скрыты некие реальности мира, окружающего автора. Это и бессмертные нимфы-богини, живущие где-то на дальних островах, и великаны-людоеды лестригоны, и гиганты-людоеды циклопы, и мирные лотофаги, питающиеся одним цветом лотоса, и приветливые феакийцы, корабли которых сами находят дорогу в морях. Прибавьте к этому страшных чудовищ, – Сциллу и Харибду; сирен, завораживающих путников своими прекрасными песнями; страны, где нет солнечного света, так что не узнать, где восток, где запад; бога Эола, держащего ветры взаперти и управляющего ими. А чего стоит мрачное царство мёртвых, – Аид, куда направляет свой путь Одиссей к душе пророка Тиресия. Да и сцена избиения более чем сотни женихов Пенелопы отцом и сыном в ограниченном пространстве обеденного, пусть и царского зала, нереалистична. Поневоле ставишь под сомнение каждую из сцен Одиссеи, вплоть до убийства царя Агамемнона неверной женой,

согрешившей с двоюродным его братом. Да и кульминация Троянской Войны, – ввод Троянского Коня, полного вооружёнными воинами, в стены Илиона, вызывает массу вопросов.

Поразительно, – если рассматривать сюжетные линии Одиссеи, в отрыве от повествования Гомера, поневоле приходят на ум сюжетные линии Нового Завета.

Возьмём сюжет о трёх пастухах, – Евмее, Филойтии и Меланфии, встречающих и сопровождающих Одиссея при возвращении на родину, – сразу приходят на ум три пастуха-волхва, – Каспар, Валтасар и Мельхиор, встречающих Богородицу и младенца Христа после Рождества Христова. В сюжете о сходе Одиссея в Аид узнаётся сходение в Ад Христа после Его Распятия до Воскресения из мёртвых. Замечательно появление перед Одиссеем в Аиде души Мэры, дочери Прета, внука Сизифа, родившей от Зевса сына Локра, и сохранившей при этом девственность, как и Пресвятая Дева Мария, родившая Христа, и умершая девственницей.

Сюжет избиения спутников Одиссея великанами-людоедами лестригонами, напоминает об избиении младенцев в Вифлееме; сюжет о гиганте-людоеде Полифеме, напоминает о завете Христа причащаться Его плотью и кровью, которые заменяет хлеб и церковное вино, кроме того, завет, – нет у тебя другого бога на небесах; сюжет о неверной жене Клитемнестре, завет, – не прелюбодействуй. В этот ряд можно

поставить и сюжет борьбы и победы Отца и Сына и Святого Духа (каковым выступает богиня Афина) над сильными мира сего, – сюжет об избииении женихов Пенелопы. Отец и Сын и Святой Дух, – каноническая Христианская Троица.

Даже мелкие подробности, – сюжет привязывания Одисея к мачте корабля при прохождении острова сирен, его привязывания к мачте корабля при кораблекрушениях, напоминает сюжет распятия Христа на кресте; сюжет появления его нагим перед Навсикаей с подругами, – сюжет явления Христа жёнам после Воскресения, и многое другое.

Отдельно стоит сказать о странном обычае разбавления вина водой перед его употреблением во время пиров, и возлияний богам. Обычное виноградное вино не столь крепко; если его ещё разбавлять водой, получится напиток для утоления жажды, но не вызывающий охмеление на пирах. А вот если употреблять в качестве напитка спирт, пить его без разбавления водой не получится, что ярко показывает сюжет опьянения гиганта-людоеда циклопа неразбавленным вином Одиссея. Кроме того, виноградное вино быстро портится, если не находится в условиях холодного погреба; им можно отравиться; спирт же не портится при длительном хранении, занимая мало объёма в скарбе войска. Здесь, как раз, вспомним Евангельский сюжет превращения воды в вино Иисусом Христом, где Христос приказывает долить воды в большие сосуды.

Да, можно сказать, в огромной своей поэме Гомер упо-

требляет практически все сюжетные линии человеческих отношений и страстей, отражённых и в Евангельском учении Христа, но совпадение сюжетов о трёх пастухах, сходении в Аид, разбавлении вина водой, вряд ли можно назвать случайными в этом контексте. Списывают ли Евангелисты у Гомера, или наоборот, – вопрос, требующий исследования.

Генеалогия богов Гомера, упомянутых в поэме

Вначале был мрачный, безмерный Хаос, в котором родилась Гея (Земля). Гея родила Урана (Небо) и вступила с ним в брак. От этого брака родились титаны (Иапет, Кой, Феба, Океан, Тефия, Мнемозина, Фемида, Крон, Рея, Крий, Гиперион, Тейя), а также Циклопы, Сторукие (Гекатонхейры) и Эриннии.

Титан Крон вступил в брак со своей сестрой, титанидой Реей. От этого брака родились Олимпийские боги первого поколения (Гера, Зевс, Деметра, Посейдон, Аид, Гестия). По имени своего предка Урана, все Олимпийские боги называются Уранидами, наравне с другими потомками Урана.

Верховный Олимпийский бог Зевс (Дий) Кронид вступил в брак со своей сестрой, Олимпийской богиней Герой. От этого брака родились Олимпийские боги второго поколения (Гефест, Геба, Илифия, Арес).

Кроме того, к Олимпийским богам второго поколения относятся многочисленные дети Зевса и потомков Урана от других женщин, которых было превеликое множество. Дальше второго поколения от Зевса начинается поколение героев. Многие из второго и последующих поколений героев принимают участие в описываемых Гомером событиях Тро-

янской Войны.

Таким образом, генеалогия богов Гомера очень коротка. От Хаоса до Троянской войны укладывается всего 4—5 поколений богов и героев, что можно уложить в период времени около 150 лет. Можно сказать, — Одиссей вернулся домой в 150 году после рождения Земли из Хаоса. Замечательно, — при сходжении в Аид, Одиссей видит там душу гиганта Тития, сына Геи (Земли), как самого древнего из титанов.

ΟΔΥΣΣΕΙΑΣ Α

Песнь первая

Десять лет назад окончилась Троянская Война взятием Троицы, разорением и сожжением её столицы, Илиона. Все уцелевшие герои возвращаются по домам, один хитроумный царь Итаки, Одиссей, принесший бессмертную славу родине, – Элладе и Аргосу, до сих пор скитается по белу свету. С того времени, как он отправился на Троянскую Войну, оставив жену Пенелопу с грудным младенцем сыном Телемахом, проходит уже двадцать лет. Одиссей теряет в скитаниях все свои корабли, всех товарищей. Последних товарищей он теряет после того, как они, несмотря на строгий запрет богов, съедают коров солнечного бога, Гелиоса Гипериона. Бог Посейдон гневен на Одиссея за ослепление своего сына, циклопа Полифема, и не пускает его вернуться домой, на Итаку. Уже долгое время Одиссей находится на острове Огигия, у дочери титана Атланта, богини-нимфы Калипсо, которая желает сделать его своим супругом, обещая за это бессмертие и вечную молодость.

Однако, сроки, назначенные богами для пребывания Одиссея вдали от отчизны, истекают. Бог Посейдон ненадолго отходит в это время к обитателям обратной стороны Земли, эфиопам, принять их жертвы. В это время остальные бо-

ги собираются на Олимпе у верховного бога Зевса, решить судьбу Одиссея, за которого просит богиня Афина. Зевс поминает судьбу царя Агамемнона, убитого своим племянником Эгистом, сыном Фиеста, брата Атрея, в стоворе с неверной супругой Агамемнона, Клитемнестрой. Они совершают убийство, несмотря на предупреждение богов, переданное им богом Гермесом. Зевс также вспоминает и судьбу самого Эгиста и Клитемнестры, убитых сыном Агамемнона Орестом, в месть за смерть своего отца. За убийство матери Ореста преследуют злые богини мести Эриннии.

Одиссей страдает на острове у богини-нимфы Калипсо, не зная, как вернуться домой. Богиня Афина предлагает отправить бога Гермеса вестником к нимфе Калипсо, с приказом отправить Одиссея домой, на что Зевс соглашается; сама же богиня Афина отправляется на Итаку, к сыну Одиссея, Телемаху; пусть тот отправится в Пилос к царю Нестору, и в Спарту к царю Менелаю, расспросить об исчезнувшем отце. Прибыв в Итаку, богиня Афина находит там добрую сотню женихов, сватающихся к жене царя Одиссея, Пенелопе, которые пируют во дворце царя Одиссея, проедая его запасы, несмотря на протесты Телемаха. Здесь собираются властители разных островов, – Зама, Дулихия, Закинфа, и самой Итаки; супружество с вдовой базилевса даст им великую честь, и возможность самому стать базилевсом. Телемах встречает богиню Афину, явившуюся в образе Мента, царя тафосцев, давнего друга Лаërта, отца Одиссея, как бы

проездом в Темесу за железом. Телемах высказывает богине свои беды; Афина негодует на женихов Пенелопы и проронит им скорую Смерть, говоря Телемаху, – его отец ещё жив. Богиня вспоминает свои путешествия с Одиссеем, говорит, – Телемах очень похож на отца. Она предлагает Телемаху созвать собрание ахейцев, и потребовать, – пусть женихи очистят дом Одиссея; затем отправиться в Пилос и Спарту, узнать об исчезнувшем отце, потом богиня улетает. Телемах, видя это, понимает, что разговаривал с богом.

Приходят женихи Пенелопы, с ними певец Фемий, который поёт о событиях Троянской Войны. Пенелопа выходит к женихам, просит Фемия петь о чем-либо другом, но Телемах останавливает мать, отправляя её на женскую половину. Телемах твёрдо обращается к женихам, – пусть они покинут его дом, и сватают мать у её отца Икария, как положено. Женихи грубят Телемаху и выспрашивают о его госте; Телемах отмахивается и говорит, – будет завтра собирать собрание ахейцев, чтобы урезонить женихов. Наступает ночь, гости расходятся по домам, Телемах также идёт спать в сопровождении своей няни, старушки рабыни Евриклеи, обдумывая предложения богини Афины о собрании и поездке в Пилос и Спарту.

Одиссея воспой хитроумного, Муза, который
Цитадель святой Трои разрушил, скитался с тех пор,
Города посетил людей многих, в обычаях споря;

Пострадал на морях, о спасеньи заботиться скор
Милой жизни, возврате товарищей верных в отчизну. {5}
Всё ж при этом не спас он товарищей, им же в укор, —

Святотатством те сами себя погубили при жизни, —
Гелиоса Гиперионида съев тучных коров.
Возвращенья домой бог за это лишил с укоризной.

О, богиня, дочь Дия, скажи и о том пару слов, — {10}
Остальные в то время, избегнув погибели верной,
Были дома, войны избежали, и моря оков.

Лишь его, по жене и отчизне болевшего сердцем,
Королева Калипсо, богиня и нимфа, держа
В гроте светлом, желала, супругом чтоб стал благовер-
ным. {15}

Протекали года, и уж год роковой прибежал,
Призывая, когда предназначили боги вернуться.
Он, однако, и там, на Итаке, не смог избежать

Злых трудов, хоть и был меж друзей. Сострадали, клянут-
ся,

Боги много ему. Непрерывно один Посейдон {20}
Одиссея гнал, чтобы земли он своей не коснулся.

Колебатель земли тут в страну эфиопов ушёл,
Эфиопов, что землю с другой стороны населяют, —
Где зашёл Гиперион, и где на восход он пошёл.

Принимая от них жертвы многих быков и баранов, {25}
Наслаждался бог, сидя на пиршестве. Прочие все
Были в доме у Зевса владыки, в Олимпе просторном.

Тут родитель мужей и богов обратился ко всем, —
В сердце, в памяти был у владыки Эгист, безусловно,
Что Орестом убит, Агамемнона сыном, меж тем. {30}

Обратился к бессмертным бог Зевс, поминая дословно:
«Странно, люди охотно во всём лишь богов, нас винят!
Зло исходит от нас, утверждают они, но, ведь, к слову,

Смерть, Судьбе вопреки, на себя навлекать все хотят?
Так Эгист, – не Судьбе ль вопреки он супругу Атри-
да, {35}

Умертвив при возврате в отчизну того, в жёны взял?

Гибель грозную знал он, – ему боги ставили виды, —
Слали Аргоубийцу Гермеса, – чтоб думать, не смел,
Ни его убивать, ни жену его в жёны брать. Видно,

За Атрида придёт от Ореста месть, – лишь повзрос-
лев, {40}

Пожелает вступить во владенье своею отчизной.
Не сумел Гермес, блага желая Эгисту, как лев,

Убедить его сердца. За что тот душой поплатился».

Сероглазка, богиня Афина сказала тогда:

«Ах, отец наш Кронид, из властителей всех наивыс-
ший! {45}

Правду молвил ты, – гибель заслужена, как никогда.
Пусть погибнет и всякий, кто дело такое свершает!
За царя Одиссея болит моё сердце всегда, —

Он, несчастный, в беде, и от милых вдали, на объятom
Морем острове, в месте, где пуп зарастает земли, {50}
Весь поросший лесами; богиня на нём обитает,

Дочь титана Атланта, который за бездной сверх сил,
Сам столбы Геркулеса хранит; свод небесный подъемлет
Полный звёзд, – он на мощные плечи свои взгромоздил.

Скорбью взятого, дочь титана несчастного греет, {55}
Мягкой, вкрадчивой речью всё время его обольстив,
Чтоб забыл Одиссей об Итаке. Но, страстно лелеет

Видеть глазом хоть дым восходящий родимой земли, —
Помышляет о Смерти одной. Неужели не двинет
Одиссей, сердца струны тебе, Олимпиец? Вдали, {60}

Он в аргивских судах приносил тебе жертвы святы,
В Трое будучи сам? Так на что негодуешь ты, Зевс?»
Отвечает ей Зевс, собирающий тучи большие:

«Ранит слово твоё, из ограды зубов излетев!
Как я смог бы забыть о божественном том Одиссее, {65}
Выдающемся мыслью меж смертных, с охотою всей

Приносящем нам жертвы, бессмертным властителям
неба?

Посейдон-земледержец к нему, не имеющий мер
Гнев питает за то, что циклоп Полифем несравненный

Глаз лишён им, — безбожник, чья сила циклопам в при-
мер {70}

Превеликой была; он родился от нимфы Фоосы,
Дочки Форкина, стража неспящего моря, у шхер

С Посейдоном-владыкой уснувшей в пещере. И, строго,
Одиссея с тех пор колебатель морей Посейдон
Не убьёт, но подальше несёт от отчизны далёкой. {75}

Что ж, подумаем мы, кто сейчас здесь собрался кругом, —
Как домой возвратиться ему. Посейдон же отбросит
Гнев, — не сможет со всеми бессмертными спорить
ведь он,

Против воли бессмертных богов своеволие бросит».
Сероглазка, богиня Афина сказала тогда: {80}
«О, Кронид-отец наш, ты властителей всех превосхо-
дишь!

Коль угодно блаженным богам, чтоб вернулся туда
Одиссей хитроумный, в отчизну, подскажем Гермесу
Исполнителю, Аргоубийце, решение, — да, —

К нимфе в косах, сплетённых, на остров Огигию бе-
сом {85}

Мчатся, ей передать непреклонные наши слова, —
Чтоб на родину был возвращён Одиссей, в бедах честный.

К итакийцам пойду я, чтоб сыну его там сперва
Воли больше внушить, и вложить бога мужество в серд-
це, —

На собрание всех волосатых ахейцев созвав, {90}

Женихов чтоб изгнал, убивающих в доме безмерно
Из отары овец, тихоходных рогатых быков.

А затем пошлю в Пилос песчаный и Спарту, наверно,

Чтоб разведал о милом отце, приходящем из Снов,
Чтобы в людях о нём утвердилась там добрая слава». {95}
И она привязала к ногам блеск прекрасных подошв,

Амброзийных, повсюду её с дуновеньями славно
Над землёй беспредельной носивших, ещё над водой.
В руки взяв боевое копьё, завершённое сталью, —

Очень крепкое; им избивала людей под собой, {100}
Навлекавших богини гнев, дочери Отца всемогущей.
Полетела богиня с вершины Олимпа грозой, —

Став в Итаке у дома царя Одиссея, как туча,
У порога ворот, и с копьём своим острым в руке,
Чужака взяв, тафосцев властителя Мента обличье, {105}

Женихов горделивых застала. Они налегке
Услаждали себе душу, с рвением в кости играя,
Сев на шкуры быков, ими съеденных на пикнике.

Виночерпии вместе со слугами дома старались, —
Те, – вино, наливая в кратеры, мешая с водой, {110}
Те, – обмывши столы ноздреватою губкой, сдвигали

На средину, и клали на них много мяса горой.
Телемах боговидный богиню заметил всех лучше.
Опечаленный сердцем, он молча сидел с их гурьбой, —

Представлялось ему, как явился родитель могучий, { 115 }
Разогнал бы он всех женихов по домам, захватил
Господином владенье, и власть свою снова взял круче.

С женихами сидев, он увидел Афины, вскочил
И направился к двери, душою стыдясь, что невинный
Принуждён стоять странник у входа; приблизясь, схватил
{ 120 }

Он за правую руку пришельца, копьё его принял, —
И приветливо, речью крылатою молвил ему:
«Чужеземец, войди! Мы тебя угостим по старинке

Пищей сытной, потом нам расскажешь, — пришёл ты к че-
му», —

Так сказал и пошёл. А за ним и Паллада Афина. { 125 }
Как вошли они в дом тот высокий, по чину тому

Пику гостя к высокой колонне понёс, и задвинул
В урну гладкую с копьями, где ещё много стоит
Одиссея других копий, мощного духом в обидах.

И её подводил он к прекрасному трону на вид; {130}
Усадил, застлав тканью, под ноги придвинул скамейку.
Рядом сам поместился на стуле резном, от обид

Женихов, чтобы гость не сидел там, с надменными вместе,
Отвращенья к еде не питал, отягчённый игрой;
Расспросить, чтобы втайне его об отце, с интересом.

{135}

Тут прекрасный кувшин золотой с рукомойной водой,
Таз серебряный был перед ними поставлен служанкой
К умыванию; после расставила стол небольшой,

Положила почтенная ключница хлеба, стараясь,
Снеди разной прибавив, запасы, охотно отдав. {140}
Кравчий ставил пред ними на блюдах, их ввысь поднимая,

Мяса разного, кубки близ них золотые подав;
Виночерпий ходил то и дело, вина подливая.
Горделивые в залу вошли женихи; по рядам,

По порядку расселись на креслах и стульях; и с краю
{145}

Подожли к ним служанки; и сели те, руки умыв.
Хлеб в корзины доверху прислужницы им наполняли,

Виночерпий лили напиток в кратеры; налив,
Те немедленно руки до пищи готовой тянули.
Как желанье питья и еды утолили, вкусив, {150}

Вдруг желаньем зажглись все сердца женихов, – отдохну-
ли,

Плясок, музыки жаждут, – услады прекрасных пиров.
И кифару прекрасную Фемию вестник дал в руки, —

Приходилось ему поневоле петь для женихов.
Певчий поднял кифару и начал прекрасную песню. {155}
Сероглазой Афине тогда Телемах молвил вновь,

Наклонясь головой, чтоб никто не услышал их вести:
«Не рассердишься, гость дорогой мой, на то, что скажу?
Лишь одно на уме вот у этих, – кифара, да песни.

Расточают они здесь чужие богатства, дрожу, – {160}
Мужа; белые кости его где-нибудь сгнили; дождик
Мочит в прахе их, в море качает волна, просто жуть.

Если б видели, что на Итаку он держит дорожку,
Пожелали бы лучше проворнее ноги иметь,
Чем одежду и золото здесь накоплять понемножку. {165}

Злой Судьбой он, однако, погублен, и сил нет терпеть

Утешенья, хотя кое-кто из людей утверждает, —
Он прибудет! Но день возвращенья его скрыла Смерть!

Ты ж теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая, —
Кто ты? Рода какого? В каком ещё городе жил? {170}
На каком корабле к нам пришёл ты, по морю летая,

На Итаку везли корабельщики в гости? Скажи,
Не пешком же сюда, полагаю я, к нам ты добрался?
Так и это скажи откровенно, не надо мне лжи, —

В первый раз ты сюда приезжаешь, иль раньше случался,
{175}

Гостем быть ты отца? Их немало бывало у нас

В прежни годы гостей, с людьми много родитель общал-
ся».

Сероглазка, богиня Афина сказала тотчас:

«На вопросы отвечу твои с откровенностью полной, —

Имя, – Мент; мой отец, – Анхиал многоумный, как раз

{180}

Им всегда я хвалился; а сам я владыка тафосцев,
Вёсла любящих, здесь со своими пришёл в корабле;
К чужеземцам за сталью плыву я по винному морю,

В город дальний Темесу, а еду с железом. Во мгле
Свой корабль учредил, Неритона лесного где кручи, { 185 }
В Ретре пристани, дальше от города, возле полей.

Заявляю я с гордостью, – мы, слава богу, с могучим
Гости давние. Как посетишь ты Лаэрта, герой,
Можешь это спросить старика. Он не ходит, измучен,

Больше в город, но, беды терпя, обитает порой { 190 }
В поле с древней служанкой, которая кормит и поит
Патриарха; в холмах виноградника день, бродя свой,

Истомив свои старые члены, он в доме покоит.
Говорили, что твой уже дома отец. К вам теперь,
Видно, всё же, ему возвратиться мешают и боги. { 195 }

Не погиб на земле Одиссей, богу равный, поверь.
Где-то в море широком, на острове, скрытом волною,
Задержался живой, дикарей пленник, словно как зверь

Он томится; не может уйти, как ни рвётся душою.
Предсказать я берусь, – и такое об этом таят { 200 }
Мненье даже бессмертные, – всё совершится, не скрою,

Хоть совсем не пророк, не умею по птицам гадать.
Но недолго он будет с отчизною милой в разлуке,

Если будут его хоть железные цепи держать;

Хитрый, опытный он, и придумает что-то от скуки. {205}
Ты теперь мне скажи, ничего от меня не сокрыв, —
Вижу ль подлинно здесь, пред собой, Одиссея я руки?

Страшно с ним головой и глазами ты сходен, — смотри.
Мы в минувшее время встречались для славного дела;
Он отправился в Троию походом, куда до Зари {210}

Из аргиев и рать на судах крутобоких летела.
Там ни я с Одиссеем, ни он не встречался со мной». —
Рассудительный так Телемах отвечал: «В самом деле,

Я скажу откровенно, о, гость, на вопрос этот твой, —
Мать сказала, — я сын же отца, но я сам и не знаю; {215}
Может кто-нибудь точно узнать, — кто отец твой родной?

Был блажен я, когда бы родителем стал мне желанным
Муж, до старости мирно доживший в чертогах своих.
Меж рождённых людей на земле я же самый несчаст-
ный, —

Мне отец он, раз это желаешь узнать с уст моих». {220}
Сероглазка, богиня Афина сказала негромко:
«Знать, угодно богам, чтобы славен всегда был среди них

Род, когда вот такого, как ты, родила Пенелопа.

Мне теперь Расскажи, ничего от меня не сокрыв, —

Чей обед здесь? Какое собрание? Зачем же так громко?

{225}

Свадьба здесь или пир? Ведь не в складчину он здесь открыт?

Только, кажется, гости твои необузданно в доме

Вдруг бесчинствуют. Чувствует всякий разумный здесь стыд,

Заглянувший сюда, поведенье их гнусное помня».

Вновь тогда Телемах рассудительный гостю сказал: {230}

«Раз, о, гость мой, спросил, и узнать пожелал, ты запомни, —

Дом когда-то был полон богатства; и всяк уважал

Нас в то время, когда ещё здесь славный муж находился.

Но иное решенье враждебный нам бог завещал, —

Сделал между мужами его он теперь невидимкой. {235}

Меньше стал бы о нем сокрушаться я, если б погиб

Он в троянской земле меж товарищей; умер бы дивно

Он, окончив войну, на руках у друзей дорогих.

Был насыпан над ним панахейцами холм погребальный,
Сыну громкую славу на все времена подарив. {240}

Ныне ж Гарпии взяли бесславно его, и, печальный,
Позабытый, безвестный, ушёл, сыну в долю подав
Лишь печаль и рыданья. Но я не о нём лишь, усталый,

Плачу; горе другое жестокое боги послав, —
С каменистой Итаки, Закинфа, покрытого лесом, — {245}
Островов Зам, Дулихий, своих женихов нам прислав,

Власти первых людей, — все упорно желают, как бесы,
Принудить маму к браку, и грабят имущество все.
Та и в брак ненавистный не хочет вступить, и не смеет

Притязаньям конец положить. Ведь разграбят совсем
{250}

Дом пирами, и скоро меня самого уничтожат».
Негодую, Паллада Афина сказала затем:

«Горе! Вижу теперь, как тебе Одиссей непреложно
Нужен, руки свои наложить на бесстыдных гостей.

Вдруг теперь, воротившись, он встанет пред дверью, на-
дёжный, {255}

С парой копий в руке, со щитом своим, шлем до бро-

вей, —

Я впервые увидел героя в то время; сперва он
Веселился у нас на пиру в доме, с чашей своей,

Из Эфиры от Ила Мермерида к нам приплывая, —
Ведь туда Одиссей на своём корабле приходил; {260}
Яд, смертельный всем людям, искал он, намазать желая

Свои стрелы стальные. Однако же Ил не спешил
Яду дать, устыдился он мести богов сам, сердешный.
Мой отец дал ему яд, безмерно его он любил.

Женихам, когда б в виде таком Одиссей предстал, греш-
ный, {265}

Жизнью коротки стали б они, и свой брак не нашли!
Но, сокрыто то в лоне богов всемогущих, конечно, —

Отомстит за себя ли, иль нет, возвратясь до земли,
В дом родной? А теперь я тебе предложил бы подумать,
Поступить как, чтоб всех женихов из палат удалить. {270}

Ты послушай меня, что скажу, отнесись с мыслью ум-
ной, —

Завтра граждан ахейских созвав на собранье, о том
Расскажи им всё, боги тебе пусть свидетели будут.

И потребууй, чтоб все женихи по домам шли потом;
Мать твоя, если дух её снова замужества хочет, {275}
К своему пусть вернётся отцу, и в родительский дом;

Снаряжает пусть свадьбу он, давши приданого, впрочем,
Полагается дочери милой его получить.

Мой разумный совет ты, быть может, исполнить захочешь, —

И корабль, с двадцатью снарядивши гребцами, отплыть,
{280}

Об отце поразведать исчезнувшем; верно, из старых
Кто-то сможет о нём рассказать, иль Молва сообщить

Дия, — больше всего она людям приносит подарков.
В Пилос прежде пойди, где божественный Нестор живёт,
После к русому ты Менелаю отправишься в Спарту; {285}

В сталь закован, последним ахейцем закончил поход.
Коль услышишь, что жив твой отец, что домой он вернётся,
ся,

Дожидайся его, все снося притеснения, год;

Коль услышишь, что мёртв он, и сердце его уж не бьётся,
Возвратившись обратно в отцовскую землю, в трудах,
{290}

В честь его холм насыплешь могильный; и справить придётся

Похоронный обряд; и в замужество мать отдашь.
Как ты всё это сделаешь, всё это кончишь, итожа
В храбром сердце, в уме хорошенько обдумай тогда, —

Женихов, каким средством в чертогах твоих изничтожить, {295}

Хитрым, или открытым. Ребячьими играми жить
Уж не время тебе, не таков уже ныне твой возраст.

Ведь пора уж тебе, с равным богу Орестом делить
Славу, что он добыл, расправляясь с коварным Эгистом,
Злым убийцей, отца его смевшего жизни лишить! {300}

Вижу, друг дорогой мой, что ты и велик, и воинствен,
Не слабее его, ты в потомстве прославишься вновь;
Но, давно мне пора возвратиться в корабль мой быстрый, —

Ждут попутчики, верно в душе возмущаются мной.
О себе позаботься, и то, что сказал я, обдумай». {305}
Рассудительный, гостю сказал Телемах: «Милый мой,

Право, гость, ты с такою любовью раскрыл мои думы,

Как отец; никогда твой теперь не забуду совет.

Подожди, хоть и очень, как вижу, спешишь ты, разумно, —

У нас вымойся раньше; с усладой завтра, чуть свет, {310}

С духом радостным ты унесёшь на корабль подарок
Столь прекрасный, который тебе поднесу я в ответ,

Как гостям от хозяев бывает приятным, и старым».

Сероглазка, богиня Афина ему говорит:

«Не задерживай нынче меня, тороплюсь я недаром. {315}

Дар, что милое сердце тебя побуждает вручить,
Возвращаясь обратно, приму, и домой с ним уеду,
Получив дорогой дар, таким же тебя отдарив», —

Говорила, исчезла Афина, глазастая дева, —

Быстрокрылою птицей порхнула в окно. И встаёт {320}

Сила в нём и отвага. И больше ещё он, чем прежде,

Дорогого отца вспомнил, в сердце размыслив своём,
Встрепенулся душою, познав, что беседовал с богом.
И назад к женихам на пирушку направился он.

Перед ними певец знаменитый пел, сидя в чертогах, {325}

В тишине, о печальном возврате ахейцев домой

Из-под Трои, Палладой Афиной ниспосланном строгой.

Вдохновенное слышала пенье в покое порой,
Пенелопа разумная, старца Икария дочка, —
И спустилась высокою лестницей дома, гурьбой, {330}

Не одна; с нею вместе шли девицы две непорочных.
И, тихонько, богиня среди женщин, войдя к женихам,
Стала за косяком у столовой дверей, и платочком,

Покрывалом блестящим закрыв себе щёки, а там,
С ней, с обеих сторон две усердные стали служанки. {335}
Говорила певцу от богов, давши волю слезам:

«Фемий, много других, восхищающих душу, ты знаешь
Песен, ими певцы восславляют героев, богов.
Спой из них, пред собранием сидя, одну. И, внимая,

Гости будут крепиться вином. Но прерви ту, без слов,
{340}

Песнь печальную; скорбью она наполняет в груди мне
Сердце милое. Выпало горе на долю мне вновь,

Ведь супруга лишась, не могу я забыть о погибшем,
Преисполнившем Аргос, Элладу всей славой своей».
Телемах рассудительный матери быстро воскликнул:

«Мать моя, что мешаешь певцу по печали твоей
Воспевать, что он хочет сейчас? Не певец в том вино-
вен, —

Зевс виновен, ведь он для трудящихся тяжело людей,

В душу мысли влагает свои. Нет препона для слова, —
Он воспеть пожелал злополучный данайцев удел. {350}
Больше всех восхищаются люди обычно такую

Песню, что представляется им самой новой. Среди дел,
Дух и сердце себе укроти, и заставь себя слушать.
Разве лишь Одиссей воротиться домой не успел?

Много также других из-под Трои не вынесли души. {355}
Но вернись-ка к себе, и своими делами займись, —
Пряжей, тканьем; скажи, чтоб служанки за дело послушно

Также взялись. Слова же, — не женское дело, пойми, —
Только мужа, — моё; у себя я один повелитель!» —
Так сказал. Изумившись, обратно пошла. Так в уме {360}

Сына слово разумное пряча, что в душу проникло.
И, поднявшись к себе со служанками, волю слезам
О супруге любимом дала, Одиссее великом.

Сном пока сероглазка Афина не скрыла глаза.
Женихи в это время шумели в тенистом чертоге; {365}
Сильно всем им вдову захотелось на ложе лобзать.

С речью тут Телемах рассудительный вышел в итоге:
«Женихи моей мамы, надменные, гордый народ!
Будем мы пировать, наслаждаться. Шуметь вам в чертоге

Так приятно, и сладко внимать песням звучным весь год,
{370}

Мужа лучшего этого, – пением равного богу!
Завтра утром сойдёмся на площадь, откроем мы сход,

Там открыто, пред целым народом скажу, чтобы строго
Дом очистили вы. А с пирами устройтесь в другом, —
Проедайте на них свои средства, порог за порогом. {375}

Коль находите вы, что для вас всех приятней Содом, —
Одного человека богатство губить безвозмездно, —
Жрите! Я обращусь за поддержкой к богам, в вечный дом.

Может, даст совершиться сам Зевс тому делу возмездья, —

Все погибнете здесь же, и пени за это не дам!» – {380}
Так сказал. Женихи, закусив губы в злобе совместной,

Удивлялись вокруг Телемаха столь смелым словам.
Тут к нему Антиной Евпейтид обратился, коварный:
«Телемах, тебя боги ли так обучают, всем нам

Беззастенчиво хвастать, и так разговаривать яро? {385}
Избавляй нас Кронид, чтоб в Итаке, в объятии волн,
Базилевсом ты стал, по рождению, право, недаром!»

Возражая ему, Телемах, рассуждения полн:
«На меня не сердись, Антиной, но скажу тебе вот что, —
Если б это мне Дий даровал, я бы принял сей стол. {390}

Иль, по-твоему, нет ничего уже хуже, быть прочно
Базилевсом? Совсем ведь неплохо; скопляются вмиг
В доме царском богатства, и сам он в чести, это точно.

Но среди базилевсов ахейцев, чей край невелик,
Здесь, в Итаке есть много, младых или старых, которым
{395}

Власть придёт, если равный богам Одиссей спрятал лик.

У себя же один остаюсь я хозяином дома,
И рабов, приведённых ко мне Одиссеем царём!»
Начал так говорить Евримах Полибид очень скромно:

«Телемах, это в лоне богов всемогущих найдём, {400}
Базилевсом в Итаке окажется кто из ахейцев.
Всё, что здесь, то твое, и в дому сам хозяин своём.

И пока обитаема будет Итака, уймётся
Каждый, кто бы дерзнул на именье твоё посягнуть.
Но, желал бы узнать, мой милейший, о нынешнем госте, —
{405}

Кто тот гость и откуда? Отечество где, что он тут
Славит? Рода и племени, чей он? И где он родился?
О возврате отца твоего к тебе с вестью шагнул,

Иль по собственной воле приехав сюда, к нам случился?
Враз исчезнув, не ждал он, чтоб здесь познакомиться
с кем. {410}

На незнатного он человека лицом не годился».

Отвечая ему, Телемах рассудил так, затем:
«В возвращенье отца, Евримах, я уже и не верю,
Ни вестям уж не верю, приходят, не знаю, зачем;

Прорицаньям внимать не желаю, к которым в доверье,
{415}

В дом гадателей разных безумно зовёт моя мать.
Путник этот мне гость по отцу, он из Тафоса, верно,

Мент, себя Анхиала разумного сыном стал звать;
Гордый, сам же владыка тафосцев он, вёсла храня-
щих», —

Телемах молвил, чтоб встречу с богом бессмертным скрывать. {420}

Те ж, занявшись опять усладительным пеньем и пляской,
Ими тешились, ждали, пока уже вечер придёт, —
Веселились беспечно. Но вечер надвинулся спящий;

Встали все, и пошли по домам, — пусть покой к ним сойдёт.

Телемах же, прекрасным двором перейдя, в свой высокий
{425}

Вышел спальный покой, хорошо защищённый кругом.

С думой в сердце о многом туда он для Сна шёл, жестокий.
Ему путь освещала раба Еврикля, в годах,
Домовитая дочь Опа Пенсенорида, что в сроки

Достоянием сделал Лаэрт своим, куплей забрав {430}
Малой девочкой; двадцать быков за неё заплатили;
Наравне с домовитой женой там её почитав,

Чтоб жену не гневить, с ней постели своей не делили.

Шла та с факелом в каждой руке, из рабынь возлюбив
Она больше всего, так как с детства его всё кормила.
{435}

У искусно построенной спальни он, дверь отворив,
На постель сел, и мягкий хитон через голову сбросил,
И хитон свой старухе услужливой в руки вложил.

Та встряхнула хитон, и сложила по складкам, и просто
На колок близ точёной постели повесила. Вот, {440}
Шла старуха тихонько из спальни; серебряной тростью
За собой притворила, ремнём притянула засов.
Всю-то ночь на постели, покрывшись овчиною толстой,
Думал он о дороге, в какую Афина зовёт.

ΟΔΥΣΣΕΙΑΣ Β

Песнь вторая

Телемах просыпается рано, приказывает глашатаям созвать ахейцев на собрание.

Когда все собираются, старец Египтий, сын которого, Антиф, погиб в пещере циклопа, открывает собрание. Телемах берёт скипетр, рассказывает о своей беде, требуя, чтобы женихи перестали грабить его достояние, ведь сам он не в силах дать им отпор. Жених Антиной нагло возражает Телемаху, грозя, – женихи будут пировать в его доме, пока Пенелопа не выберет одного из них, вспоминает обман Пенелопы, длящийся три года, когда она ткала великую ткань на саван старику Лаэрту, а ночью распускала её, пока её не предала одна из рабынь. Телемах угрожает женихам Смертью; Зевс даёт на это своё знамение громом, и полётом двух орлов. Гадатель Алиферс Масторид предвещает ахейцам большую беду, утверждая, – Одиссей скоро придёт и расправится с женихами. Жених Евримах смеётся над предсказанием гадателя, требует от Телемаха, чтобы тот приказал матери выбрать себе жениха из них. Телемах объявляет, – он отправляется в Пилос и Спарту, чтобы узнать об исчезнувшем отце, а решать будет по возвращении оттуда домой. Воевода Ментор пытается образумить женихов, но те дерзят ему. Телемах мо-

лится Афине; богиня является ему в образе Ментора, ободряет и обещает снарядить для него корабль с гребцами.

Телемах возвращается с собрания домой; женихи издеваются над ним. Телемах направляется в кладовую, велит рабыне няне Евриклее собрать для него провизию на дорогу, берёт с неё клятву молчания; та плача исполняет пожелание Телемаха. Богиня Афина находит гребцов для Телемаха и корабль у Ноемона, сына Фрония, снаряжает его в путь, затем приходит к Телемаху и торопит его с отплытием. Телемах со спутниками загружает провиант на корабль и отправляется в поход, с попутным ветром, посланным богиней Афиной.

Утро. Розовым пальцем Заря ночи мрак поднимает.

Поднимается сын Одиссея с постели своей,

Одевается, меч заострённый за плечи бросает,

Вяжет к белым ногам он подошвы из кожи зверей,

Сам выходит из спальни, подобный красивому богу, {5}

Приказанье глашатаям отдал, – призвать поскорей

Волосатых ахейцев, – прийти на собранье к острогу.

Очень скоро на клич их на площади все собрались.

И когда все сошлись, и толпа собралась понемногу,

Вышел к площади он; сталь копья засияла вдали. {10}

Не один шёл, – за ним две борзые собаки бежали.
И, как богу, приятный Афина даёт ему лик.

Изумился народ, увидавши, каким он держался.
Сел на месте отцовском, старшины пред ним разошлись.
Благородный Египтий встал, речью к собранию взял-
ся. {15}

Был летами согбен он, и опыт богатым нашли;
Сын же милый, с безбожником тоже отплыл, с Одиссеем,
Илион братъ; богатый копейщик, он вёл корабли.

Но Антиф умерщвлён был свирепым циклопом в пещере,
Послужил для него лишь на ужин последней едой. {20}
Три же сына остались; в числе женихов был посеян

Еврином, остальные отцовский всё строили дом.
Но о первом все время он помнил, скорбя и тоскуя.
Проливая все слезы, сказал пред собраньем о том:

«Итакийцы, послушайте, что перед вами скажу я! {25}
Не сзывались у нас ни собранье, ни даже совет,
Как отплыл Одиссей, богу равный, в судах изогнутых.

Кто теперь нас собрал? Кто нуждается в этом, иль нет, —
Из младых ли людей кто-нибудь, иль из тех, кто повыше?

Что, – желает теперь о прибытии войска он весть {30}

Сообщить нам правдиво, раз первый об этом услышал?

Иль о деле народном другом говорить он спешит?

Но разумным он кажется мне, и отважным. Пусть слышит, —

Счастье будет от Зевса такое, какое решит!» —

Кончил. С радостью речь его выслушал сын Одиссея. {35}

Говорить рвётся он, и на месте своём не сидит.

Стал в середине собранья. И скипетр в руки доверил

Писенор вестник, умные мысли хранящий в душе.

К старику многомудрому он обратился, краснея:

«Старец, муж недалёко, – сейчас сам увидишь уже, {40}

Кто собранье созвал. Ведь печаль мне великая нынче.

Весть такую не слышал, чтоб к нам войско шло в кураже;

Сообщить вам мне нечего, что первый слышит обычно.

Не собрался о деле другом я народном просить.

Речь идет обо мне, и о бедах, на дом павших крышей. {45}

И одна, – у меня мой отец благородный погиб,

Бывший вам базилевсом, всегда, как отец, вас любивший.

Тяжелее вторая беда, – не могу я простить, —

Погибает наш дом; совершенно меня разоривши,
К маме, против желанья её, женихи пристают {50}
Неотступно, сынки всех властителей наших, кто выше;

Но, к отцу её, старцу Икарию, в дом не идут,
Нет в них смелости, – чтоб он за дочь свою выкуп назна-
чил,

Взяв, кого пожелает, и кто поприятнее тут.

Но они ежедневно врываются в дом наш, подначив, {55}
Бьют без счёта быков, и баранов, и жирных козлов;
Всё пируют, и вина искристые пьют, на удачу

Расхищают они всё. И нет уже мужа богов
В доме, как Одиссей, чтобы дом защитить от проклятья.
Не такие мы, – справиться с этим, и позже, без слов, {60}

Неспособными будем мужами к отпору, чтоб гнать их.
Защитил бы и я, если б силу такую имел!
Далеко всё зашло, и терпеть уж нельзя! В результате

Погибает мой дом. Нету воли у вас, кто смотрел,
Негодую! Тогда постыдитесь хотя бы соседей, {65}
Здесь живущих! Побойтесь хотя бы богов! В гневе дел

Обратят на вас точно плодов недостойных возмездье!
Зевс, владыка Олимпа, Фемида, я вас умолю, —
Вы народ распускаете, вы собираете вместе, —

Дорогие, молю, – перестаньте! Я горем скорблю {70}
В одиночестве злом! Одиссей же, закованный в латы,
Не чинил ведь, враждуя, ахейцам обиду, хулу,

За какую, враждуя, обиды теперь мне желают,
Тех людей поощряя? Мне было бы лучше, когда
Сами съели бы все, что лежит у меня по палатам. {75}

Если б вы всё поели, то скоро б настала беда.
Мы б по городу стали ходить, приставая к вам хором, —
Вещи нам возвратить; вы всего не отдали б тогда.

Нынче ж сердце вы мне безнадёжным терзаете горем!» —
Так воскликнул он в бешенстве, скипетр на землю бро-
сал; {80}

Слёзы с глаз побежали. И жалость народ топит морем.

Остальные безмолвно сидели, никто не желал,
Хоть обидное слово в ответ Телемаху промолвить.
Лишь один Антиной восклицая, ему возражал:

«Телемах, ты надутый болван, непотребным же сло-

Нас порочишь? Желаеть позорным пятном замарать?
Невиновны ахейские здесь женихи, безусловно, —

Мать виновна твоя, прековарная сердцем, видать!
Третий год истекает, уж скоро наступит четвёртый,
Как в ахейской груди она дух заморочила; глядь, — {90}

Всем надежду даёт, обещается каждому порознь,
Весть ему посылает, в уме же желает своё.
Без того, против нас и другую придумала хворость, —

Ткань затеяла ткать, поместив на станок у неё, —
Страх большую и тонкую; нам объявила при этом: {95}
«Женихи, видно равный богам Одиссей не придёт,

Не толкайте на свадьбу меня, подождите с ответом.
Саван буду я ткать, — пропадет моя иначе ткань!
Тестю, старцу Лаэрту, на случай, коль жребий тем летом

Доставляющей Смерти ему выпадает слегка, — {100}
Чтоб в округе меня не корили ахейские жёны,
Что схоронен без савана муж, приобретший нам дань,» —

Говорила и дух нам студила, в груди напряжённый.
Что ж случилось? В течение дня она ткань всё ткала,

Ночью ж, факелы возле поставив, распустит безбожно.
{105}

Шёл три года обман, и ахейцы не знали дела.
Но четвертый приблизился год, и часы наступали, —
Баба нам сообщила, которая всё знать могла.

За распущенной тканью прекрасной её мы застали.
И неволей тогда ей работу пришлось завершить. {110}
Слушай! Вот что тебе все сейчас женихи отвечали,

Чтоб душою ты знал, остальные ахейцы, решишь, —
Отошли мать, вели, чтобы шла за того, за кого ей
Выйти скажет отец, и самой ей приятнее жить.

Коль ахейских сынов и потом раздражать она хочет, {115}
Даром гордая тем, что дочь бога, Афина дала
В изобилии ей, — и искусство в прекрасных работах,

Разум светлый, смекалку и хитрость чтоб поберегла.
Мы и древних не стали б ахеенок пышных держаться,
Будь то Тиро, Алкмена, Микена в венце у стола. {120}

Ни одна не смогла б между них с Пенелопой равняться, —
Вот хитра! Но, однако, и хитрость её не спасёт.
Будем мы поедать и запасы, и скот, напиваться,

Если станет упорствовать в мыслях, которые вот,
Боги вложат. Себе она этим великую славу {125}
Может взять, но тебе лишь потери большие на счёт.

Не вернемся к делам, и к невестам другим не отправишь;
Пока по сердцу мужа она среди ахейцев возьмёт».
Возражая ему, Телемах рассужденье составил:

«Как из дома бы выгнать я мог, Антиной, в свой черёд,
{130}

Что меня родила и вскормила! Отец мой далёко, —
Жив, иль умер, – не знаю. Придется платить мне тот счёт

Только старцу Икарию, коль к нему мать пошлю строго.
От отца пострадать мне придётся. И демон убьёт,
Если вызовет страшных Эриний моя мать от бога, {135}

Покидая дом. Я же позором покроюсь, как лёд,
Никогда не отважусь сказать ей подобного слова!
Если это вам не по душе, или гнев вас зовёт, —

Что ж! Очистите дом мой! С пирами устройтесь по но-
вой, —

Проедайте на них свои средства, домов в черед. {140}
Коль находите вы, что приятней, и лучше готовы

Одного человека богатство губить не в нужде, —
Жрите! Я воззову за поддержкой к богам, нашим судьям!
Может, делу возмездья свершиться сам Зевс даст в беде!

Все погибнете здесь же, и пени за это не будет!» – { 145 }
Говорил Телемах. И вдруг Зевс, протяжённо гремя,
Двух орлов ниспослал со скалистой вершины, откуда

Мирно, быстро летели они, повинувшись ветрам;
Близ один от другого простёрши широкие крылья.
Очувившись как раз над собранием, где шум и гам, { 150 }

Замахали вдруг крыльями, стали кружить со всей силой,
Оглядели всех головы, общую гибель узнав;
Расцарапав друг другу когтями все груди обильно,

Сверху вправо умчались, – над городом их пролетав.
В изумлении все, увидав этих птиц над собою, { 155 }
И в душе размышляли, – к чему этот знак может стать?

Обратился к ним с речью старик Алиферс благородный,
Масторид. Среди ровесников он выдавался один
Знаньем всяческих птиц, вещей речью своею свободной.

Благомыслия полный, собранью сказал: «Поглядим, –

{160}

Знайτε что, итакийцы, пред вами сегодня скажу я!
Больше всех к женихам обращаю я речи в груди.

Беды страшные мчатся на них. Одиссей, доложу я,
Будет скоро домой. Он уж где-то не так далеко!
Смерть, убийство растит он для всех женихов, и дрожу я!

{165}

Плохо также придётся и многим из нас, кто легко
Жил на нашей приветной Итаке. Подумаем вместе,
Женихов поскорей обуздать как. Пускай нелегко!

Перестали бы сами, – гораздо полезней, по чести.
Не малыш я в гаданьях, и дело своё понимал. {170}
И с героем, смотрите, свершается точно, как есть же, —

Предсказал я, когда в Илион флот большой отплывал
Из аргивян, и с ними пошёл Одиссей хитроумный.
Вынес множество бедствий, товарищей всех потерял,

Он, не узнан никем, на двадцатом году грянет шумно, —
{175}

Говорил я, и всё совершается точно теперь!»
Сын Полиба ему, Евримах возражает безумно:

«Было б лучше, старик, если ты бы домой шёл, за дверь,
Для ребят погадал, чтобы с ними чего не случилось!
В этом деле получше тебя погадаю, поверь. {180}

Мало ль видим мы птиц; их под Солнцем полно распло-
дилось.

Но не все предвещают из них что-нибудь. Одиссей
На чужбине погиб. Хорошо бы, с ним вместе, как милость,

Смерти взять и тебя! Прекратил бы вещать поскорей.
Подстрекает и так раздражённого всем Телемаха. {185}
Знать, подарок в свой дом получить хочешь ты, поновой!

Говорю я тебе, и слова мои сбудутся махом, —
Если ты, с долгим опытом здесь, и богатым, в беду
Болтовнёй будешь глупой поддерживать юноши страхи,

То сначала ему от всего будет хуже в страду, – {190}
Ведь совсем ничего против нас он поделать не сможет.
На тебя мы, старик, налагаем жестокую мзду.

Оплатить нелегко её будет, почти невозможно.
Телемаху пред всеми, кто здесь, предложил бы вот что, —
Пусть он матери скажет, – к отцу уходить осторожно;
{195}

Тот пусть свадьбу готовит, приданое, давши потом,
Сколь его получить полагается дочери милой.
Раньше, сам убежден я, – ахейцев сыны, не уйдём

С тяжким тем сватовством. Никого мы из вас не боимся, —

Ни тебя, Телемах, как бы много ты слов не вещал, – {200}
О вещаньях твоих не печалимся. Нету в них силы!

И старик только больше вражду сам к себе возбуждал.
Будет там всё добро поедаться по-прежнему, платы
Не дожидаться, покамест ахейцам согласие не дал

Он на свадьбу. Ведь сколько уж времени здесь мы, потра-
тив, {205}

Ждём, друг с другом за ней соревнуясь. А время идёт,
Новых ведь мы не ищем невест для приличного брака».

И в ответ Телемах рассудительный быстро встаёт:
«Евримах, ни тебя, ни других женихов благородных
Уговаривать, ни умолять уж не стану вперёд. {210}

Всё известно богам, и известно ахейцам свободным.
Дайте быстрый корабль мне и двадцать товарищей, с кем
Всю дорогу проделать я мог по бушующим водам.

Собираюсь я в Пилос песчаный, и в Спарту затем,
Об отце поразведать исчезнувшем. Верно, из смертных
{215}

Кто-то сможет о нём мне сказать, иль Молва даст ответ

Дия, – больше всего она людям приносит известий.
Коль услышу, что жив мой отец, что домой он придёт,
Буду ждать его год, терпеливо снося притесненья.

Коль услышу, что мёртв он, теперь на земле не живёт,
{220}

Возвратившись обратно в любимую нашу отчизну,
В честь его холм насыплю могильный, и, справив чин тот

Похоронный по нём, я в замужество мать мою выдам», —
Так сказал он и сел. Пред собранием тотчас встаёт
Ментор. Другом он был Одиссея, великого чином. {225}

Тот, в судах уезжая, весь дом ему вверил, – вперёд
Слушать всем старика, и именье хранить поусердней.
Полный добрых намерений, так обратился на сход:

«Итакийцы, послушайте, я среди вас не последний!
Мягким, добрым, приветливым быть уже впредь никогда
{230}

Базилевс-скиптроносец не должен, но, с правдою в серд-

це,

Каждый пусть притесняет людей беззаконно всегда,
Коль никто Одиссея не помнит в народе, которым
Управлял, и с которым был добр, как отец на браздах.

Не хочу упрекать женихов необузданно спорых, {235}
Что, коварствуя сердцем, они все насилья творят, —
Головою играют они, разоря просторный

Одиссея дом, думая, что не вернётся назад.
Но на вас, остальных, от всего негодую я сердцем, —
Вы сидите, молчите, ни слова не смея сказать, {240}

Обуздав женихов. Вас ведь много, а их мало, – верьте!»
Леокрит Евенорид, ему возражая, кричал:

«Ментор, старый безумец! Так вот к чему дело ты вер-
тишь!

Нас народом смирить захотел! Было б трудно, сказал, —
Нас заставить насильно от наших пиров отказаться! {245}
Если б даже и сам Одиссей-итакиец здесь встал,

Благородных отсюда изгнать женихов попытался,
За пирами сидящих обильными в доме его.
Возвращенье супруге его не на радость, признаться,

Как по нём ни томилась. Погиб он бы смертью врагов,
{250}

Коль со многими б вздумал померяться. Вздор же немечен!

Ты, народ, расходись! Возвращайся к работам бегом!

Его в путь снарядить пусть теперь поторопятся Ментор,
Алиферс, – Одиссею товарищи давние, да.

Чую, – долго, однако, он вести послушает ветра, {255}

Здесь, в Итаке. Пути своего не свершит никогда!» —

Так сказав, распустил он собрание быстро ахеев.

По жилищам своим разошёлся народ, кто куда.

Женихи возвратились в божественный дом Одиссея.

Вдаль ушёл Телемах по песчаному берегу. Там {260}

Руки чистой водою омыл, и Афине поведал:

«Посетившая дом наш богиня, к другим берегам

В корабле быстроходном велевшая плыть, чтоб разве-
дать, —

Нет ли вести о милом отце, что ушёл по волнам,

И его возвращеньи! Мешают мне в этом ахейцы, {265}

И ещё женихи, в беспредельном нахальстве достав», —

Говорил он, молясь. Вдруг Афина ему с неба веет,

Образ Ментора взяв, с ним же схожая речью; представ,
Со словами к нему окрылёнными так обратилась:

«Также впредь, Телемах, неразумным и слабым не стань,

{270}

Благородная сила отца тебе в сердце излилась, —

Сила, с ней он и словом, и делом добился всего.

С ней тогда и тебе твой отъезд исполнимым открылся.

Если ж ты и ему сам не сын, Пенелопы родство;

Вряд удастся тебе совершить, что желаешь, я знаю. {275}

Редко будет с детьми, чтобы были отца тождество, —

Большей частью все хуже отца, лучше мало, считаю.

Если впредь, не останешься ты неразумен, и слаб,

Коль тебя не совсем Одиссеева кинула стая,

Дело сделать своё, ты надеяться можешь, не раб. {280}

Женихов неразумных, все их замышления, козни,

Брось теперь, — нету разума в людях таких; всяк неправ.

Нет предчувствия в сердце, что близко стоят, сея розни,

Злая Участь и Смерть, что в один они день все умрут.

Путь совсем недалёк, и желаю я быстрой дороги. {285}

Вот какой я товарищ тебе по отцу, – станет тут
И корабль побыстрей, и последую сам за тобою.
Ты ж теперь воротись к женихам. И на путь пусть сберут,

Заготовив припасы, пусть крепко сосуды закроют.

Скажешь, – в амфоры сладко вина нацедить вам; мукой
{290}

Ячменя в мешки сыпать, вязать, пусть и кожей укроют.

Добровольцев пока наберу средь народа. Судов
На прибрежной Итаке немало и новых, и старых.
Я меж ними корабль пригляжу, что получше готов,

Мы его снарядим и выходим на море недаром», – {295}
Так сказала Афина, дочь Дия. Недолго ещё
Телемах оставался, богини услышав подарки.

Опечалившись сердцем, поспешно он к дому пошёл.
Женихов там застал горделивых, что в зале столовой
Обдирали и коз, боровов обжигали на стол. {300}

Антиной засмеялся, пошёл Телемаху дать слово,
Взял и за руку, слово сказал, и по имени звал:
«Телемах, необузданно буйный, совсем безголовый!

Брось заботу о том, чтоб и делом, и словом мешал!

Лучше сядь-ка ты есть к нам и пить; вот настанет потеха, —
{305}

Всё, что нужно тебе, приготовят ахейцы в навал, —

И корабль, и отборных гребцов, чтоб скорей ты поехал

В Пилос славный, и слухи собрал об отце там своём».

Но ему же в ответ Телемах рассудил так с успехом:

«Антиной, мы при наглости вашей совет не найдём, {310}

В пире долю принять со спокойным и радостным духом.

Не довольно ль, что раньше, когда еще малым был днём,

Женихи, вы, богатства ценнейшие наши в разруху

Жрали? Нынче, как стал я большим, от советников сам

Вызнал много, в груди моей мужество стало послушно,

{315}

Кер стараюсь зловещих на вас всех наслать к головам, —

Иль, отправившись в Пилос, иль здесь же, на острове зрея,

Еду, — сделаю путь, о котором твержу нынче вам,

На чужом корабле, ибо сам я гребцов не имею,

Корабля своего, — показалось вам выгодней, знать!» {320}

Вырвал руку свою из руки Антиноя, смелея,

Так легко. Женихи продолжали меж тем пировать,
И над ним все глумились они, и шутили на славу.
Говорил им один из надменных юнцов тут опять:

«Берегитесь! На нас Телемах замышляет расправу! {325}

Иль кого привезёт из песчаного Пилоса к нам,

Иль, быть может, из Спарты. Ведь рвётся туда, взять управу!

Иль в Эфиру поехать собирается, в край, по плодам,

Вдруг оттуда для жизни смертельного яду добудет,

Замешает в кратеры, отправит всех нас к злым чертям».

{330}

И другой говорил из надменных тех юношей, судя:

«Знает кто? Ведь возможно он, в гнущем уйдя корабле,

С Одиссеем, вдали от домашних погибнет. Рассудим, —

Этим много и нам он доставит хлопот. На столе

Достоянье его всё тогда разделить нам прекрасно, {335}

Мамке с будущим мужем оставим мы дом на земле», —

Говорили. Пошёл Телемах в кладовую с опаской,

С кровлей верхней, большую; хранилось добро за стеной, —

Злато, мёд, и одежда в ларях, благовонное масло.

Там, в порядке вдоль стен находились, одна за другой, —
{340}

Бочки полные сладким вином многолетним, — напитком
Чистым, божьим, хранился на случай, когда бы домой

Все ж вернулся домой Одиссей, после многих попыток.
Дверь двух створок прилажена прочно, закрыла там вход.
В кладовой этой ключница ночи и дни находилась, {345}

Охраняя запасы, с усердием их стережёт; —
Евриклея, то дочь Опа Пенсенорида, старушка.
Телемах обратился, позвавши ее наперёд:

«Наполняй вином амфоры сладким мне, няня, — послу-
шай, —

Не того дорогого, которое здесь всем пример. {350}

Поминав о несчастном, в надежде, что может быть луч-
ше,

Вдруг придёт Одиссей, ускользнувши от Смерти и Кер.
Амфор сделай двенадцать, и крышками сверху покрой их.
После кожаных плотных мешков ты наполнишь доверх,

Двадцать смеривши мер, той размолотой ячной мукою.
{355}

Знай об этом одна! Заготовишь припасы, и здесь
Их поставишь, а вечером я заберу их с собою.

Мать поднимется в верхний покой свой, о Сне зная честь.
В Спарту ехать собираюсь, и в Пилос песчаный, – разве-
дать,

Нет ли слухов о милом отце, возвращеньи, бог весть», –
{360}

Так сказал. Еврикля кормилица воеет, как ведьма,
Огорчённо к нему обращается, слово летит:
«Как могла у тебя в голове эта мысль быть последней,

Милый сын мой! Ну как ты, – единственный, умный
на вид,

Выйдешь в дальние земли? Погиб уж вдали от отчизны
{365}

Богу равный отец Одиссей где-то, в дали лежит.

Эти ж, лишь ты уедешь, коварное дело замыслят,
Хитро сгубят тебя, и всё наше поделят с собой.
Ты останься, милоч, со своими! Откуда те мысли,

Всяко беды терпеть по морям беспокойным, род-
ной?» {370}

И тогда ей в ответ Телемах рассудительный молвил:

«Няня, тише! Решенье моё не без бога. Постой,

Поклянись мне, что матери ты ничего не обмолвишь,

Прежде минет одиннадцать дней, иль двенадцать, ты
скрой, —

Или спросит сама, иль другие об этом промолвят. {375}

Вдруг, боюсь я, от слёз злых поблекнет она красотой».

Тут старуха сама поклялась богов клятвою страшной.

После как поклялась, и окончила клятву, рукой

Вина в амфоры тотчас налила; в мешки же исправно,

Кожей сшитых надёжно, насыпала ячной муки. {380}

Телемах к женихам пировавшим вернулся обратно.

Снова мысль тут пришла сероглазой Афине в виски, —

Образ взяв Телемаха, пошла обходить она город;

Становившись пред мужем, к нему обращалась с тоски, —

Чтоб на быстрый корабль они вечером все пришли хором.

{385}

К Ноемону, блестящему Фрония сыну, прося

Корабля, обратилась. Он ей предоставил охотно.

Солнце тут опустилось, и тени всё скрыли, сойдя.

В море быстрый корабль тут спустила богиня, и снасти

Уложила в него, что для плавания нужно в морях, {390}

И поставила судно на выход из бухты, на счастье.

Все товарищи к судну сошлись, приглашённые ей.

Сероглазка, богине Афине вновь мыслит отчасти, —

Быстро двинулась в дом Одиссея, что богу родней;

Сладкий сон излила на глаза женихам пировавшим, {395}

Ум смутила у них, из рук выбила кубки. За ней

В город вышли все спать, и в постелях лежали, уставши,

Но недолго, как сладкий им Сон на ресницы всем пал.

Позвала же затем Телемах из комнат прекрасных

Сероглазка Афина, так слово ему прошептав, {400}

Образ Ментора взяв, с ним похожая видом и речью:

«Телемах, други ждут тебя верные; всяк вёсла взял,

Дожидаются, скоро ли двинешься в путь ты, конечно.

Но пойдём, и не будем задерживать долго поход!» —

Кончив, шла впереди же, Паллада Афина всевечна, {405}

Быстрым шагом, а следом за ней Телемах сам идёт.

К морю, к ждавшему их кораблю подошли они вскоре,

На борту там нашли волосатых товарищей взвод.

Телемаха священная сила сказала им скоро:
«Ну, друзья, принесёмте припасы! Они уже нам {410}
Заготовлены. Мать об отъезде не знает нисколько,

И другие служанки; одна тайно служит богам», —
Так сказал, и пошёл, ну, а следом за ним и другие.
В доме взявши припасы, в корабль, скрыв под палубу там,

И, как сын Одиссея велел, всё они уложили. {415}
Телемах поднялся на корабль за Афиною вслед;
На корме корабля она села, а возле богини

Телемах. Отвязали причалы друзья напослед,
Все взошли на корабль крутобокий и сели за вёсла.
Ветр попутный им шлёт сероглазка Афина, без бед, —
{420}

По безбрежному морю Зефир зашумел быстрый просто.
Телемах, ободря товарищей, им закрепить
Снасти молвил, они подчинились, и, не прекослова,

Разом мачту еловую подняли, внутрь утвердить
В том гнезде, и её привязали канатами к носу. {425}
Натянули потом белый парус ремнями, чтоб плыть, —

Парус сразу надулся от ветра; вскипели под носом

Воды тёмного моря волнами, и вдоль по бортам;
С волн высоких оно заскользило; и сразу матросы

На корабль крутобокий ремнём паруса крепят там; {430}
Наливают вином свои чаши; пируя невинно,
Совершать возлияния стали бессмертным богам,
Больше ж всех остальных, – сероглазой же дочери Дия.
И всю ночь, и всё утро корабль быстрый шёл по волнам.

ΟΔΥΣΣΕΙΑΣ Γ

Песнь третья

Телемах приходит на корабле в Пилос, к дому, построенному Нелеем, отцом князя Нестора. Богиня Афина ободряет его, советует сразу подойти к князю Нестору, который справляет праздник бога Посейдона, принося тому жертвы. Младший сын Нестора, Писистрат встречает путников, просит их отдать честь богу Посейдону возлиянием вина.

После обеда Нестор расспрашивает гостей, – кто они и откуда пришли. Телемах представляется, говорит, – он прибыл из Итаки, сообщает причину своего приезда, просит Нестора рассказать ему всё, что тот знает об отце. Нестор вспоминает сражения под Илионом, где пали Аякс Теламонид, Ахиллес, Патрокл, сын Нестора Антилох, но судьба самого Одиссея ему неизвестна. Нестор узнаёт в Телемахе сына Одиссея, удивительно похожего на знаменитого отца.

Нестор вспоминает отплытие ахейцев от Трои, возникшие при этом распри, принесшие многие беды, затем вспоминает о распре Атридов по окончании войны, принесшей множество бед ахейцам, когда Менелай предлагает вернуться по домам, Агамемнон же желает принести жертвы, – умиротворить богиню Афину.

Те, кто сразу отплывает домой, благополучно добираются

до места; так избегают опасностей сам Нестор, Диомед Тидид, сын Ахиллеса Неоптолем, Филоктет, Идомей и другие. Те, кто остаются с Агамемноном, претерпевают множество бед и скитаний, как и сам Агамемнон, убитый племянником Эгистом, в сговоре с женой Агамемнона, Клитемнестрой; так и Менелай, вернувшийся к брату. Но больше всего скитаний достаётся на долю Одиссея, оставшегося с Агамемноном. Телемах просит рассказать, как погиб Агамемнон, Нестор подробно рассказывает печальную быль, заканчивающуюся мстостью сына Агамемнона, Ореста за убийство своего отца.

Агамемнон, уходя на войну, оставляет свою жену Клитемнестру под присмотром одного певца. Двоюродный брат Агамемнона, Эгист, сын Фиеста, брата Атрея, соблазняет Клитемнестру, которая поначалу противится, но потом Эгист отсылает певца на пустынный остров, где тот находит свою гибель, а сам склоняет Клитемнестру к сожительству. Чтобы упредить неожиданный приезд Агамемнона, Эгист выставляет дозорного, который сообщает Эгисту о приходе Агамемнона; Эгист радушно приглашает Агамемнона в дом, где сам с друзьями убивает Агамемнона и всех его спутников, с помощью Клитемнестры.

Менелай ещё в это время не возвращается домой. Через несколько лет, выросший сын Агамемнона, Орест, мстит Эгисту, убивая его, и свою мать, Клитемнестру, за что боги посылают на него страшных Эриний, преследующих и му-

чащих Ореста.

Затем Нестор рекомендует Телемаху отправиться сухим путём на колеснице к царю Менелаю, который, скитавшись по многим странам, не мог знать об убийстве Агамемнона и мести Ореста, так как прибывает из-под Трои только на восьмой год. Нестор не отпускает Телемаха ночевать на корабль, но богиня Афина улетает, обернувшись орлом, поэтому Нестор узнаёт в ней богиню, покровительствующую Телемаху, как когда-то она покровительствовала его отцу.

Телемах ночует у Нестора; с утра князь Нестор с сыновьями собирает собрание, приносит обещанную тёлку в жертву богине Афине, велит запрячь колесницу для похода Телемаху. Телемах отъезжает в колеснице вместе с младшим сыном Нестора, Писистратом. Тем же вечером они достигают Фер, где их радушно принимает Диоклес, сын Ортилоха. Переночевав, наутро путешественники отправляются дальше.

Солнце встало с залива прекрасного, на многоцветном
Небосводе сиять для бессмертных богов и людей,
Обречённых для рока землёй плодоносной, заветной.

В Пилос путники прибыли, встав у Нелея дверей
В пышном городе. В жертву народ приносил быков чёрных {5}

Колечателю моря, земли, в цвет же чёрных кудрей;

Было девять разделов, на каждом пятьсот очень гордых,
Восседадо людей, и по девять быков им дано.

Потрохов сладких съевши, пред богом сжигали их бёдра,

Когда в пристань вошли мореходы. Убрали на дно {10}
Снасти, якорем валкий корабль утвердили; на пристань
Выходил Телемах за Афиною вслед. И одно

Сероглазка, богиня Афина сказала: «Бодришь там,
Телемах, ты не должен теперь уж застенчивым быть;
Мы и в море пустились затем, чтоб разведать стремить-
ся, – {15}

Твой отец, где заброшен Судьбою, что смог пережить.
Подойди сам ты к Нестору князю; сегодня мы рады
Знать, какие в душе его мысли заключены жить.

Попроси его смело, чтоб нам объявил он всю правду;
Лжи, конечно, не скажет, одарен великим умом». {20}
Телемах рассудительный просит ответно: «Как надо

Подойти, Ментор? Что за привет принесу в этот дом?
В разговорах разумных с людьми я искусен немного;
И прилично ль младому расспрашивать старших о том?»

Сероглазка, богиня Афина ему молвит строго: {25}

«Телемах, много собственным сам ты рассудком поймаёшь,

Благосклонный, и демон откроет тебе; волей бога

Ты рождён не без воли бессмертной, на свете живёшь».

И Паллада Афина пошла впереди быстрым шагом;

Поспешил боговидный за нею, хоть чувствовал дрожь. {30}

Где пилосцы, собравшись, сидели, подходит со страхом;

С сыновьями там Нестор сидит; их друзья, учредив

Пир, вздевали на вертелы, жарили мясо с размахом.

Иноземцев увидя, пошли к ним навстречу; вложив,

Пожимали им руки, просили садиться обедать. {35}

Первым, ближе придя, Писистрат Несторид усадил,

Руки взявши обоих, на берега песках, за обедом,

На разостланных шкурах места занимать просит он,

Меж отцом престарелым и братом младым Фрасимедом.

И утробы отведать им, дав, благовонным вином {40}

Чашу полнил златую, плеснул, и сказал сероглазой

Дядя дочке, Палладе Афине о празднестве том:

«Посейдона владыку призвать должен странник ты сразу;

На великий его праздник прибыли к нам; совершив,
Как обычай велит, перед ним возлиянье, с наказом, {45}

И товарищу кубок с напитком пречистым налив,
Дай; он, думаю, молится также бессмертным; известно,
Все мы, люди имеем в богах нужды, благодарив.

Он моложе тебя, и, как будто, со мною ровесник;
Почему золотой кубок решил наперёд тебе дать», – {50}
Кончив, передал кубок Афине с вином он прамнейским.

Ей приятен разумного юноши шаг, что подать
Предложил первой кубок с вином благовонным; и стала
Посейдона владыку она громким голосом звать:

«Посейдон-земледержец, молясь тебе, я утверждала {55}
Уповающим здесь, что исполнишь желанья сполна.
Славу Нестору ты с сыновьями даруй поначалу;

После многую милость яви и другим, как стена,
От пилосцев великую нынче испробовав жертву;
Телемаху и мне возвратиться, окончив, дай нам {60}

Всё, зачем в корабле чёрном плыли сюда волей ветра», —
Помолясь, возлиянье свершила богиня сама;
Телемаху двуручный тот кубок вручила ответно;

Помолился в черёд свой и сын Одиссея весьма.
Те ж, изжарив, и с вертелов снявши хребтовое мясо, {65}
Раздавали, и начали пир свой блестящий; когда ж

Удовольствован голод был сладким питьём, и припасом,
Расспросил гостей Нестор, геренский сам князь, и герой:
«Гости, мне уж теперь неприлично не будет спросить
вас, —

Кто вы? Пищею вы насладились довольно простой. {70}
Кто, скажите? Откуда прибыли к нам влажной дорогой?
Что у вас за дела? Иль без дела, оставив покой,

Мчитесь морем, разбойники, чтобы добыть себе много,
Прожигая и жизнь, и народам несёте беду?»
Рассудительный тут Телемах, взявши духу немного, {75}

Торопился сказать. И Афина бодрит на ходу
Сердце, чтоб об отце расспросить старика смог, бодрее,
Пусть же люди о нём только добрую славу ведут:

«О, Нелид, славный Нестор, великая слава ахеян,
Знать желаеть, — откуда и кто мы? Всю правду ска-
жу, — {80}

Из Итаки, под склоном лежит Гипонеи, где веют

Ветры; прибыв, не общим, но собственным делом тужу;
Путь держу, чтоб Молву об отце вопрошая, проведать,
Одиссее, в бедах постоянном; с которым, поймав куражу,

И сражаясь, вы Троию тогда сокрушили, развеяв. {85}
Остальные, сколь ни было их, воевавших троян,
Погибали от бед, мы слышали, в стране заповедной

Все; Кронид же его и погибель скрывает от нас
Неприступно. Нашёл ли конец свой, не знаем, на споре
Брани пав, пересиленный злыми врагами; в зыбях {90}

Поглощённый холодной волной Амфитриты на море.
Я колена твои обнимаю, чтоб ты хоть чуть-чуть
Приоткрыл моего отца Участь, сказав, что в дозоре

Видел глазом, сказал ли случайно который-нибудь
Странник. Матерью был он рождён на великое горе. {95}
Ты ж меня не щади, и о жалости мягкой забудь,

Расскажи мне подробно, чему очевидец был, ровно.
Если ж чем для тебя мой отец, Одиссеей дорогой,
Словом, делом ли мог быть полезен в те дни благотворно,

В Трое, где столько много ахейцы несли бед с собой, {100}

Вспомни это теперь, и поистине всё расскажи мне».
И ему так князь Нестор ответил, геренский герой:

«Сын мой, сильно напомнил ты мне о напастях, с дружи-
ной

Нами всеми, ахейцами, встреченных в опыте том, —
И когда в кораблях, Ахиллесом героем водимы, { 105 }

За добычей гонялись по мглистому морю кругом,
И когда перед крепким Приамовым градом с врагами
Страшно бились. И лучшие пали в то время гуртом, —

Лёг Аякс многомогущный, там лёг Ахиллес, быстр ногами;
Мудрый, равный бессмертным Патрокл, и лежит милый
мой { 110 }

Антилох беспорочный, отважный и столько же славный,

В беге лёгкий, а был он бесстрашный боец. И собой
Испытали мы разных других бедствий много, о них же
Всё ли сможет сказать человек из породы земной?

Если б целых пять лет, и шесть лет ты сумел неподвижно
{ 115 }

Собирать вести бед, что с ахейцами, нами, стряслись,
Ты б, всего не узнав, недоволен домой шёл, постыжен.

Девять лет мы трудились, чтоб их погубить; набрались
Много хитрости, – кончить решился Кронид всё насилу.
Но никто не стоял, коль на умный совет собрались, { 120 }

С ним и рядом, – куда упреждал хитроумием сильным
Мудрый царь Одиссей, благородный родитель он твой;
Явно сын ты его. С изумленьем смотрю я на сына, —

С ним речами ты сходен, но, кто бы подумал, какой
Можно юноше умною речью с ним сходствовать много?
{ 125 }

Мы вдвоём с Одиссеем божественным крепкой рукой,

И советом своим заодно на собраниях строго,
В мненьях наших, и вместе всегда мы, обдумавши всё,
Лишь одно избирали, аргивцам полезней намного.

Но когда, ниспровергнувши город Приама в песок, { 130 }
К кораблям возвратились, сам Зевс бог пути несчастливы
Приготовить замыслил аргивцам, по морю урок.

Не у каждого светел рассудок, не все справедливы,
Потому и постигла там злая судьбина других,
Многих, гневавших дочь сероглазую бога; на диво { 135 }

Злую распрю она разожгла меж Атридов двоих, —

Оба, звать вознамерясь людей на совет, безрассудно,
В необычное время собрали их; свет уже стих

Солнца; шли все ахейцы, вином отягчённые; трудно
Стали братья другим объяснять их собранья резон, —

{140}

Менелай настоял, — чтоб ахейские мужи на судах

По широкому моря хребту устремились вдогон;
Агамемнон отвергнул, — народ захотел удержать он;
Мыслил, чтобы они святой жертвой великой богов,

Гнев смирили ужасной Афины... младенец! Напрасно,

{145}

Он не знал, что уж быть не могло примирения с ней, —
Боги ведь не меняются в мыслях своих, что ужасно.

Обращая друг к другу обидные речи в огне,

Оба брата стояли; собранье обутых ахейян

Воплем наполнилось яростным, рвавшим сомненья вдвой-

не. {150}

Всю мы ночь провели в неприязненных духа сомненьях,

Мысля, — верно творит наказание Зевс нам вдали.

На священное море одни кораблями к спасенью,

Взяв добычу и дев, подпоясанных низко, ушли.

Половину другую народа оставил на берегу { 155 }

Агамемнон Атрид, пастырь войска и многой земли.

Дали ход кораблям, и они по волнам в быстром беге

Мчались, – бог многоводное море под ними стелил.

И, придя в Тенедос, дали жертву богам пред ночлегом,

Дать отчизну моля их, но Зевс непреклонно судил, { 160 }

И замедлил возврат, – он вторичной враждой возму-

тил нас.

Часть с царём Одиссеем, что хитрым советом будил

На двухвостых уйдя кораблях, устремилась в противный

Путь, Атриду, царю Агамемнону вновь послужить.

Я ж поспешно, со всею подвластною мне половиной { 165 }

Плыл вперёд, угадав, что нам бедствием демон грозит;

Плыл со всеми своими и вождь Диомед, сын Тидея;

Позже тронулся в путь Менелай русый; в Лесбос бежит,

Нас нагнал, нерешительных; путь избирали, не смея, —

Выше ль скал изобильного Хиоса Псир обогнуть, { 170 }

Оставляя по левую руку, иль ниже, левее

Миновать Хиос, с воющим ветром Мимантом вильнуть?

Бога молим знамение дать нам; знамение давши,
Повелел, чтоб разрезавши море, серединой шли в путь;

Шли к Евбее мы скоро, неблизкой беды избежавши; { 175 }
Ветр попутный, свистя, зашумел, и в компании рыб,
Путь свершая легко, корабли до Гереста сбежали

К ночи; многих быков тогда тучные бёдра сложив
На алтарь Посейдонов, великое море постигли.

День свершился четвертый, когда, до Аргоса доплыв,
{ 180 }

Корабли Диомеда Тидида там, князя, настигли,
Прямо в бухте. Тем временем в Пилос я плыл, и всегда
Ветр попутный, вначале нам посланный богом, не стих-
нет.

Возвратился я, сын мой, без всяких вестей; никогда
Сведать больше не мог, кто погиб из ахейн, кто спасся.

{ 185 }

От других что узнали, под кровлею нашей сидя,

Всё, как следует, я расскажу, не скрывая опасно.

Знаем мы, – молодой Ахиллеса великого сын

Мирмидонцев своих, копьеносцев домой вёл согласно;

Жив, твердят, Филоктет, сын Пеанта возлюбленный;
с ним {190}

Спасся Идоменей, и попутчиков, с ним избежавших
От войны не утратив на море, он Крита достиг;

К вам, конечно, дошёл об Атриде и в дальние страны
Слух, – убит базилевс был Эгистом, вернувшись домой;
Как и тот, наконец, по заслуге принял воздаянье. {195}

Счастье, коль у погибшего мужа останется свой
Сын, отмстить, поразивши Эгиста коварство, что сделал, —

Умерщвлён был злодейски столь славный родитель, герой!

И тебе, мой возлюбленный друг, столь созревший для дела,

Должно твёрдым быть, чтобы потомкам тебя похвалить». {200}

И, послушав, ему Телемах рассудительный, смело:

«О, Нелид, славный Нестор, ахеян великая нить,
Отомстил он, и страшной для всех из ахейцев, хранящих,
Повсеместная честь будет песни хвалой голосить.

О, когда б одарили такую же силой меня же {205}

Боги, чтоб отомстить женихам за их наглость, с какой
Наносили обиды и боль, дела злые плетя же!

Ниспослать не хотели такой благодати большой
Боги мне, ни отцу, – и удел мой отныне терпенье».
Телемаху ответил князь Нестор, геренский герой: {210}

«Мне, мой милый, напомнил своими словами тесненье;
Мы слышали, – твою благородную мать притеснив,
Женихи совершают худые дела без зазренья.

Знать желал я, – ты волею сносишь? Народ незлобив
На земле ненавидит тебя, по богов ли внушенью? {215}
Мы не ведаем; может случиться легко, – он, открыв,

Возвратится, погубит их, сам ли, созвав ли ахейцев
Всех. Любить сероглазка Афина желала тебя;
Окружала царя Одиссея заботой своею

В том троянском краю, где страдали ахейцы, скорбя!
{220}

Никогда не бывали столь боги в любви откровенны,
Сколь Афина Паллада была, его сердцем любя!

Если б ею с такой же любовью, и ты был овечн, —
Сама память о браке пропала б во многих из них».

И в ответ Телемах рассудительный молвил, робея: {225}

«Старец, сбудется вряд твоё слово; о людях больших
Говоришь, и ужасно мне слушать тебя; не случится
Никогда ни по воле богов, и ни в просьбах моих».

Отвечала ему сероглазка, богиня Афина:

«Что за слово твоё из ограды зубов вдруг летит; {230}
Защитить нас и издали богу легко, коль стремится;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.